

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

Бичо-Джан

«Public Domain»

1915

Чарская Л. А.

Бичо-Джан / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1915

Кико метался, как раненый зверек, по своей тахте или вскакивал с нее в пылу неудержимого приступа волнения и бросался, пошатываясь от слабости, к выходу из горницы, завешенному ковром. Но – увы! – за ковром находилась плотная дубовая дверь, закрытая накрепко снаружи, и не слабому мальчику было сломать эту преграду. Тогда, в конец обессиленный, он возвращался на свое жесткое ложе, и погружался в забытие...

Содержание

Вступление	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лидия Алексеевна Чарская

Бичо-Джан

Вступление

Между тремя морями – Черным, Азовским и Каспийским – широко и просторно раскинулся дивный край – Кавказ. Величествен Кавказ. Горы, поднимающиеся высоко за облака; пропасти, уходящие в самую глубь земли; реки, побеждающие преграды на своем пути, перескакивающие, как дикие звери, через острые камни и воющие день и ночь сердито – все прекрасно.

Великолепные есть уголки на Кавказе и лучший из них – Грузия.

Невелика эта страна, немного в ней городов, немногочисленно ее население, но красива она необычайно. Недаром ее называют жемчужиной Кавказа.

Была когда-то Грузия самостоятельным царством, и жил ее народ свободно, шумно и весело. До сих пор на выступах ее гор высятся причудливые замки, где обитали когда-то храбрые воины, мечтавшие о славе и подвигах. До сих пор еще в горах Грузии живы предания о давно минувших временах. Из рода в род передаются там рассказы о далеком прошлом грузинского народа и его славных делах. Многие из этих рассказов лишь красивые сказки, но многие – истинная быль, хотя тоже похожа на сказку.

Одну из таких былей я и хочу вам рассказать. Быть может, в ней немало странного, невероятного, но многие из тех, о ком говорится в этой были, живы еще и охотно передают все ее подробности своим детям и внукам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кико, Шуша и Илита

Худая, коричневая от загара старуха Илита вышла на порог дома и, заслонившись от солнца костлявой рукой, крикнула громко на всю усадьбу:

– Кико! Где ты, голубь мой? Ступай домой скорее: князь уезжает!

Крикнула и прислушалась на мгновение, не отзовется ли ей кто-нибудь из густой чащи виноградника.

Сначала все было тихо в чаще, только легкий шорох да приглушенный писк какой-то птички долетали до слуха Илиты. Но вот к ним присоединились другие звуки: сдержанное хихиханье и неразборчивый шепот...

По коричневому сморщенному лицу Илиты скользнула улыбка.

– Вижу теперь, вижу, здесь ты! Не укрывься тебе от моих глаз, горный орленок!

В ту же минуту с веселым смехом и шумом двое детей выскочили из-за зеленой засады и бросились к старухе. Впереди бежал мальчик лет девяти, тоненький, стройный, чернокудрый. Его красивое смуглое личико задорно выглядывало из-под невысокой бараньей шапочки, а синие яркие глазенки, казавшиеся еще темнее под густыми ресницами и черными, гордо вырисованными бровками, так и искрились, так и горели шаловливым огоньком. Одет он был в белый кафтан из тонкого сукна, который плотно облегал его гибкую фигуру, и в широкие малиновые шальвары (штаны); мягкие сафьяновые сапожки с кисточками вместе с серебряным поясом дополняли его наряд. На груди его сверкали блестящие патронники, а за поясом был заткнут маленький настоящий кинжал.

Следовавшая за мальчиком девочка была одета в шелковую рубашку, подпоясанную серебряным поясом, поверх которой был надет нарядный кафтан; на голове она носила маленькую бархатную шапочку со спускающимся с нее кисейным покрывалом. Две тщательно заплетенные и перевитые нитями черные косы спускались у нее на грудь. Если бы не эти косы, девочку можно было бы принять за мальчика, переодетого в женское платье, – так бойко поблескивали ее черные глазки.

Как только увидела старая Илита чернобровую девочку, так и накинулась на нее.

– Ах ты скверная девчонка! Опять князька нашего, красное солнышко, прятаться в винограднике учишься! Опять, не приведи Господи и святая Тамара, он себе личико поцарапает, платье изорвет! Какой я тогда дам ответ князю? Подумала ли ты об этом? Вот погоди, задам я тебе за это!

И бронзовая рука старухи потянулась к розовому ушку девочки.

Но тут мальчик с проворством кошки прыгнул между старушкой и девочкой, заслоняя ее.

– Не тронь, бабушка, Шушу. Я тебе песенку за это спою! – крикнул он весело.

И странное дело! От этих слов как-то сразу прояснилось лицо старухи. Точно солнечный луч озарил его, и она проговорила ласково:

– О мой Кико, мой золотой луч, розан души старой Илиты, спасибо тебе за обещание спеть. Ты поешь, как соловей, мой бесценный алмаз, и нет для старухи Илиты лучше в мире песни, как твоя, мой бичо-джан!

Старушка наклонилась и обняла мальчика.

Тот поморщился. Он не любил таких нежностей.

Кико был сыном грузинского князя Тавадзе, род которого с незапамятных времен жил на Кавказе и славился своими подвигами. А когда Грузия присоединилась к России, предки князя Тавадзе прославились многими подвигами, участвуя вместе с русскими войсками в битвах с воинствующими племенами Кавказа. Сам князь Тавадзе не мог, подобно своим предкам, про-

явить боевую отвагу в схватках с кавказскими татарами и другими горцами, потому что война давно утихла, дикие народы были умиротворены соединенными силами русских и грузин. Князь Павле Тавадзе в своем поместье в Грузии мирно занимался домашними делами и воспитанием единственного своего сына Кико, рано оставшегося сиротой после смерти матери.

Вся Грузия знала огромные поместья князя Павле. У него были лучшие виноградники по берегу реки Алазани и бесконечные поля, засеянные пшеницей, просом и кукурузой, вдоль Алазанской долины. Прекрасное имение князя недалеко от города Телави славилось на всю Грузию не только своими посевами и виноградниками, но и крупным рогатым скотом (коровами, буйволами), козами, баранами и чудесными лошадьми. И все эти бесчисленные богатства после смерти князя Павле должны были перейти к его единственному сыну Николаю, или, как его звали, Кико. Других родных у князя не было. Только где-то далеко в горах жил его дальний родственник Вано Мичашвили с детьми. Про него шли слухи, что он промышляет какими-то темными делами. Вано изредка наезжал к своему богатому родственнику, чтобы выпросить у него какой-нибудь подарок. Князь Павле, хотя охотно помогал своему родственнику и одаривал его со свойственной ему щедростью, был сдержан с ним и осторожен, потому что Вано Мичашвили, по общей молве, был злой и корыстный человек.

Рано осиротев, Кико воспитывался на руках старой няньки-грузинки Илиты вместе с ее внучкою Шушей, тою самою девочкою, которая вместе с ним спряталась в винограднике.

Шуша была единственной подругой Кико. Он ее любил. Любил потому, что она была такая же ловкая, быстрая, смелая, как он, Кико, и ничего не боялась. Шуша даже кинжал носила под полой кафтана, точно мужчина-грузин, а на лошади скакала не хуже самого Кико.

– Джигит она, настоящий джигит (ловкий наездник, умеющий лихо владеть конем и оружием), а не девчонка! – часто повторял Кико.

Сам он тоже всегда только и мечтал о том, чтобы заслужить лестное, по его мнению, название джигита и иметь случай проявить свои лихость, смелость и отвагу. Он жалел, что войны с горными татарскими племенами давно уже покончены, а то он отомстил бы за каждую каплю крови, пролитую его предками, и завоевал бы всех горцев Дагестана. При одной мысли об этом черные бровки его сходились на переносице, а синие глаза делались огненными от сверкавшего в них пламени отваги.

Кико ужасно не любил, когда старая Илита обнимала и целовала его и нежно называла:
– Бичо-джан.

«Бичо-джан» – это по-грузински душа-мальчик, славный, хороший мальчик. Но так обыкновенно называют маленьких детей, а он, Кико, не считал себя ребенком. И действительно, во всей повадке мальчика, несмотря на его шаловливую резвость и детскую несдержанность, было нечто, указывающее, что он развит не по летам, что он храбр и смел, точно взрослый юноша.

А тут, нате-ка, точно нарочно, Илита, или бабушка, как привык Кико называть вынянчившую его старушку, обнимает и целует его, как какую-нибудь девчонку...

Но Кико не успел заявить свое неудовольствие. Он увидел что-то по ту сторону двора и замер от неожиданности.

Там, на той стороне двора, стоял запряженный фаэтон. Кучер Арзел возился около экипажа. Большой кожаный чемодан прикреплен был позади сиденья.

– Кто едет, бабушка? Неужели отец? И надолго? Да говори же скорее, бабушка Илита! Надолго отец уезжает? – кричит мальчик и в забывчивости дергает старуху за рукав сорочки.

От нетерпения Кико топает ногою, обутой в мягкий сафьяновый сапог, или, как называют такие сапоги в Грузии, чувяки.

Кико больше всего в мире любил своего отца. Отлучки из дома князя Павле всегда тяжело отзывались на впечатлительной душе мальчика. Если чего-нибудь и боялся на свете Кико, так

только какого-нибудь несчастья, которое могло случиться с его отцом. И сейчас Кико сделался печальным; едва слушая, что говорит ему Илита, он поспешил в дом.

* * *

– Здравствуй, мой Кико. Давно дожидаясь тебя, соколенок.

Высокий черноусый мужчина лет тридцати пяти или немного больше, с величавым, несколько гордым лицом, с теми же синими пламенными глазами, что и у Кико, приподнялся с пестрой тахты, на которой полулежал с длинным чубуком во рту, и протянул руку вошедшему мальчику. В комнате, куда после залитого солнцем двора попал Кико, было полутемно и прохладно, несмотря на жаркую июньскую пору. Окон в ней не было, но вокруг всего дома князя Тавадзе шла крытая галерейка, и через нее проникал дневной свет в главную комнату, кунацкую, как называли приемную для гостей в доме князя. Эта комната была устлана пушистыми мягкими коврами. Вдоль стен ее помещались широкие низкие диваны – тахты, как их называют на Кавказе, тоже покрытые коврами, а поверх их лежали круглые подушки в виде вальков. На полках расставлена была серебряная посуда, турьи рога, заменявшие собою чарки для вина на пирушках, всевозможные ковши и кувшины. На низеньком столике, придвинутом к тахте, стояли серебряные же чарки, а высокий с тонкой шеей кувшин (кула по-грузински), до верха наполненный вином, стоял прямо на ковре, слабо сверкая своею гранатного цвета жидкостью в слабых лучах пробивавшегося дневного света.

Хотя князь Павле Тавадзе и служил когда-то в полку русского войска и отлично знал европейскую жизнь, но все же, любя всею душою свою маленькую родную Грузию, он, выйдя в отставку в чине есаула казачьего полка, держался во всем обычаям предков и весь свой дом вел на грузинский лад.

В глазах князя, обращенных к Кико, было много ласки и отеческой любви, несмотря на то, что он казался суровым и строгим.

– Вот он каков, мой мальчик! – произнес князь с заметной гордостью, указывая сидящему на другом конце тахты человеку на своего Кико.

Маленький князек, весь занятый мыслью об отъезде отца, тут только заметил двоих людей, находившихся в комнате. Один из них – худой, длинный, как жердь, в изрядно потрепанной и запыленной одежде, с маленькими бегающими глазками, был Вано Мичашвили, прискакавший сюда, очевидно, за подачкой из своего «Орлиного гнезда», как называлось его поместье в горах.

Другой находившийся здесь гость был юноша лет семнадцати, как две капли воды похожий на отца, старший сын Вано Давидка, похожий на горного волчонка со взъерошенной головой и беспокойным взглядом желтых совиных глаз.

И дядю, как Кико называл Вано Мичашвили, и его сына Давидку Кико встречал и раньше, и как тот, так и другой своим пронырливым видом и постоянными выклянчиваниями подарков были противны открытой и гордой душе мальчика.

– А-а! Вот и он, ваш бичо-джан, чудный алазанский соловей. Здравствуй, красавчик Кико! Здравствуй, бичо-джан! – произнес Вано, протягивая Кико свою жилистую сильную ладонь и задерживая в ней смуглую ручонку маленького князя.

Кико ужасно захотелось вырвать свою руку из руки Вано, но он вовремя вспомнил о том, что Вано – как-никак гость у них в доме, а гость считается священной особою не только в Грузии, но и на всем Кавказе. Восточный обычай велит почитать гостей, и каждый кавказец свято исполняет этот обычай. Вот почему Кико, затаив глубоко в душе своей неприязнь к Вано, о темных делах которого ходили настойчивые слухи, пожал его руку и проговорил обычную у грузин в таких случаях фразу:

– Будь благословенно появление твое в нашем доме, дядя Вано!

Потом, повернувшись к его сыну Давидке, поклонился и ему с тем же кротким приветствием.

В это время князь Павле велел слуге наполнить старинные прадедовские чарки игристым вином из кула и, обращаясь к сыну, проговорил:

– Возьми эту чарку, Кико, и выпей за здоровье дяди Вано и троюродного брата Давидки. Мальчик покорно принял чарку из рук отца и осушил ее в честь гостей.

Это было тоже одним из восточных обычаев Грузии, преступить который было нельзя.

– А теперь, мой соколенок, – проговорил снова князь Павле, обращаясь к сыну, – пойдешь к Илите и скажи ей, чтобы она принарядила тебя. Через час сюда соберутся гости. У нас предстоит большой пир. Ты споешь нам на пиру одну из твоих славных песенок. Да вот еще что, мой мальчик: после пира я уеду в Тифлис по делу на две недели, а тебя с Илитой и Шушей наши люди отвезут в горный замок. Там не так жарко, как в Алазанской долине, и легче будет моему Кико дожидаться своего отца. А? Что ты на это скажешь, соколенок?

Князь Павле закончил свою речь лукавой усмешкой. Он знал, что лучшего удовольствия сыну, как поездка в горный замок, приобретенный недавно у одного из разорившихся дагестанских князьков, он не мог и придумать. Кико обожал эти поездки. Вместо того чтобы печься на солнце в лишенной тени Алазанской долине и вести однообразную жизнь в ожидании уехавшего отца, он попадет со своей любимицей Шушей в горный замок, находящийся среди скал и твердынь по дороге в нагорный дикий Дагестан... Правда, Кико было очень грустно расставаться на целые две недели с отцом, но, с другой стороны, поездка в горный замок – что это за прелесть! Там и время в разлуке пройдет куда скорее среди скачек на горных лошадках по ущельям и лесистым тропинкам, выющимся, словно змейки, над пропастями. И жары там не почувствуешь даже, потому что замок прилепился к откосу скалы под огромным утесом, защищающим его от солнца, и благодаря этому в нем постоянная прохлада и тень.

Кико так живо представил себе чудесное горное убежище, что чуть было не позабыл исполнить приказание отца – пойти переодеться к пиру. Личико его так и сияло от счастья, когда он пулей ворвался в жилые комнаты княжеского дома, громко крича от радости:

– Бабушка Илита, давай праздничную чаху (одежду) скорее... И нарядные шальвары (штаны) и шапку... Шуша! Шуша, где ты? Иди скорее! Радость-то, радость нам обоим! Слышала?.. В горный замок едем. На две недели едем. На целых две недели! Да здравствует горный замок и скачка по утесам, и ты, Шуша, мой верный товарищ здесь и в горах!

* * *

По старому грузинскому обычаю князь Павле Тавадзе перед отъездом давал пир.

По приглашению хозяина поместья во двор его дома съехалось много фаэтонов и скрипучих грузинских арб, т. е. двухколесных крытых повозок, в которых богатые грузины перевозят всякую кладь, а менее состоятельные ездят сами со своими семьями. Несколько верховых коней паслись, расседланные и привязанные на длинных веревках к старым чинарам, на зеленой лужайке перед домом. Соседи, дальние и ближние, поспешили приехать к гостеприимному князю Павле со своими женами и взрослыми сыновьями и дочерьми. Многим любопытно было взглянуть на Вано Мичашвили и на его сына, о которых шла дурная слава, будто они хозяйничали не совсем честным образом у себя в горах.

Темные слухи утверждали, что оба Мичашвили, отец и сын из дальнего горного замка, не раз уводили у соседей-горцев коней, а то промышляли и более крупным разбоем. Но не пойман – не вор, как говорит пословица, и одним темным слухам верить нельзя было. К тому же Вано Мичашвили приходился родственником прославленному богачу князю Павле, которого искренне почитали и уважала соседи за его готовность помочь им в тяжелую минуту жизни. И

ради великодушия и щедрости князя Павле именитые князья и простые дворяне, помещики Алазанской долины, не хотели даже верить слухам.

С заходом солнца князь Павле должен был ехать в Тифлис по прохладе, почему пир был назначен пораньше. Слуги с ног сбились, приготавливая обеденный стол.

Несмотря на то, что предки семьи Тавадзе ели, по издревле заведенному обычаю, сидя на коврах поверх мягких подушек, поджав под себя ноги по-турецки, сам князь Павле в этом отношении отступил от обычаев предков и угощал своих гостей за столом.

Этот стол буквально ломился под тяжестью всякой снеди. Целый окорок жирной баранины; огромное блюдо, приправленное пряностями, с шашлыком (жаренным на вертеле мясом) из баранины же; вкусный, ароматный плов с приправой из чеснока; жареная дичь с изюмом; пироги из персиков, винограда; душистые шербеты (сладости) – все это заедалось соевым квели (сыром) и тонкими лавашами-лепешками, заменяющими собой в Грузии и хлеб, и даже тарелки в бедных семьях. Вместо хлеба подавалась круто сваренная пшенная каша, нарезанная ломтями. Все это запивалось кисловатым кахетинским вином, целые кувшины которого то и дело наполнялись слугами из огромных глиняных чор (бочек), находившихся на дворе и врытых в землю.

На каждом таком пиру из среды гостей избирался тулунбаш, или распорядитель пира, заведующий тостами и распоряжающийся застольем. На этот раз гости князя Павле выбрали тулунбашем важного седого соседа-грузина князя Акинадзе и усадили его за стол на почетном месте в прохладной кунацкой. По правую руку его находился Ван с сыном, по левую – хозяин дома.

За обедом сидели и женщины, хотя по старому дедовскому обычаю грузинки должны сидеть отдельно от мужчин. Здесь же находилась и старая Илита, которую князь Павле считал скорее за родственницу, нежели за простую служанку, и ее внучка, проказница Шуша, то и дело прятавшая под чадрую (покрывало, которое носят на Кавказе девушки) свои плутовские глаза. Они занимали и угощали женское общество, приютившееся отдельно от мужского на дальнем конце стола.

В углу примостились несколько музыкантов с инструментами. Тут были и чунгури – род гитары, и зурна – грузинский бубен, и барабан. Музыканты покрывали музыкою каждый тост в честь гостей, провозглашенный тулунбашем. Чествовали поочередно всех гостей.

К концу пира лица у гостей раскраснелись, все болтали без умолку. Старики, еще помнившие походы, рассказывали о них, похваляясь своей отвагой. Молодежь внимательно слушала, завидуя старым воинам.

Один князь Павле не принимал участия в общем веселье, он то и дело нетерпеливо поглядывал на дверь. Но вот зашевелился ковер у входа, и князь Кико, одетый в дорогой из голубого сукна бешмет (кафтан), весь расшитый золотом, и опоясанный драгоценным поясом – родовым сокровищем семьи Тавадзе, со сверкающей камнями рукояткой кинжала, степенной и горделивой поступью, совсем как взрослый, вошел в кунацкую.

– А-а, Кико! Здравствуй, Кико, алазанский соловушка! Будь здоров, соколенок-князек! – посыпались веселые приветствия.

Кико с достоинством поклонился. Все взоры обратились на единственного наследника, сына князя Павле Тавадзе.

– Как он хорош! – говорили женщины на своем конце стола. – Посмотрите, сколько поистине княжеского величия в этом красивом мальчугане!

– Что и говорить, Кико – наша гордость! А как он поет! – восторгалась Шуша.

– Он, верно, унаследовал свой серебристый голосок от покойной матери, – заметила одна из присутствовавших дам. – Покойная княгиня Гемма славилась своим пением на всю Грузию. Ах, как она пела!

Кико был несколько смущен, но отнюдь не выказывал этого. Ему впервые приходилось выступать во время пира в качестве гогия, то есть певца. Вот почему сердечко мальчика билось тревожно. Однако он твердым шагом по чуть заметному знаку отца подошел к дяде Вану, глядевшему на него из-под нависших бровей вопросительно и далеко не ласково, и, взяв в руки болтавшуюся у него за спиной на шелковой ленте чунгури, ударил по струнам ее и звонким серебристым голосом запел ту песнь, которую не раз слышал от покойной матери, умершей три года тому назад, переставляя, однако, имена старой легенды:

В узких теснинах нагорной страны,
В замке высоком и мрачном,
Живет храбрый рыцарь со своими детьми,
Пятью молодцами-сыновьями.
Пятеро сыновей Вану – орлы молодые,
Пятеро сыновей – мощные лесные барсы,
Пятеро сыновей Вану – пять золотых созвездий
На голубом и прекрасном кавказском небе.
Первый сын Вану храбр, как его отец.
Могучий и сильный и смелый Вану Мичашвили,
Зовут его Давидка, и смелости его позавидует горный орел.
И второй его сын – Максим бесстрашный,
Он затмит горного джигита дагестанских высот.
И третий сын – Дато – соперничает с соколом в поднебесье.
И четвертый – Микахо – славится отвагою на всю страну.
И пятый – Горго, хоть и молод, но сулит стать рыцарем, как его
отец и братья...

Еще долго перечислял Кико своим красивым голосом, лившимся прямо в душу его слушателей, качества своего дяди и троюродных братьев. Струны чунгури мелодично звенели и переливались. Взгляды всех были прикованы к красавцу-мальчику, певшему, как соловей.

Один только Вану да его сын Давидка, казалось, не восторгались пением. Может быть, они чувствовали, что недостойны этих расточаемых им песнью похвал; может быть, просто завидовали этому мальчугану, которому улыбалась жизнь и у которого было все: и богатство, и талант певца, так почитаемый в Грузии, и очаровательная внешность. А тут еще, как нарочно, по окончании пения гости осыпали похвалами маленького певца. Тулунбаш поднял в его честь полную чашу и громко провозгласил:

– Пью за соловушку Алазанской долины, за сокровище князя Павле, за его наследника, маленького князя Кико, за гордость и радость дома сего!

И он одним духом осушил чашу.

Кико посадили рядом с отцом. Женщины повскакавшие со своих мест, угощали его лакомствами, осыпали ласками. От первого Кико не отказывался и с удовольствием уписывал за обе щеки засахаренные фрукты и конфеты, и душистое сухое варенье, и шербет; но от поцелуев уклонялся, по обыкновению. Ведь он же мужчина – не пристали ему эти нежности!

А вокруг него говорили о том, как была бы счастлива покойная княгиня Гемма, если бы послушала пение своего сына... И еще говорилось о том, что когда вырастет он, князь Кико, и будет едва ли не самым богатым человеком во всей Грузии, будет ли и он так же, как и его отец, помогать бедным соседям.

Кико, услышав это, быстро вскочил со своего места и с пылающими глазами крикнул дрогнувшим от волнения голосом:

– Клянусь святой Ниной, просветительницей Грузии (святая, чтимая всеми грузинами), я пойду по следам моего отца!

И тут же умолк внезапно, смущенный собственной горячностью.

– Молодец, Кико! Славно сказано, орленок! – послышались кругом сочувственные голоса, и несколько чарок потянулось к маленькому князю.

И вдруг он увидел: на него смотрели с холодной завистью и злобой глаза Ваню и его сына.

* * *

Солнышко уже начало уходить за горы по ту сторону Алазани, когда гости князя Павле стали разъезжаться. Все твердо помнили, что к ночи гостеприимный хозяин должен пуститься в дорогу, и поэтому не хотели задерживать его. Ваню и Давидка тоже должны были ехать в своей двухколесной арбе, запряженной волами и теперь доверху нагруженной целой грудой всевозможных подарков, без которых щедрый владетель алазанского поместья никогда не отпускал своих родственников.

Но до отъезда еще оставалось добрых два часа, и князь Павле предложил своим гостям хорошенько выспаться, отдохнуть перед дорогой. Их отвели в небольшую беседку, устроенную на берегу пруда, всю обвитую виноградными цепкими ветвями.

В этой беседке, чудесно приютившейся в тени зеленого навеса, в жаркие летние ночи спал князь Павле вместе с сыном, спасаясь от духоты. Теперь ее отдали в распоряжение гостей. Сам же хозяин примостился на широкой тахте, вынесенной на плоскую крышу дома, устланную коврами и обведенную перилами. Пуская дым из длинного тонкого турецкого чубука, он тихо разговаривал с Кико, успевшим уже переодеться в свой повседневный костюм.

– Ну, соколенок, завтра с восходом солнца ты отправишься в горный замок. Ты рад этому? – спрашивал князь Павле сына.

Кико улыбнулся, сверкнув своими белыми, как сахар, зубами.

– Конечно, рад, отец.

– А ты будешь вести себя разумно, не будешь отдаляться от замка, не станешь скакать на диких конях над безднами – словом, будешь беречь себя?

– Я постараюсь, отец, – отвечал Кико, сознавая всю трудность подобного обещания.

Ах, как они мечтали с Шушей носиться по горным тропам!

– Отец... – нерешительно начал Кико, и глаза его заискрились мольбой, – а если кони не будут слишком дики, а горные тропинки будут не чересчур круты и узки, ведь мы с Шушей можем немножко поноситься в ущельях? А?

И мальчик лукаво прищурился.

Князь Павле засмеялся и потрепал сына по черной головке. Он был против того, чтобы расточать ласки и нежности сыну: «Кико не девочка, и не годится приучать его к бабьим нежностям», – часто говорил князь. Но это не мешало ему горячо и сильно любить своего единственного сынишку, лучшее сокровище, которое он имел на земле. Перед двухнедельной разлукой князь Павле разрешил себе некоторую вольность: он положил руку на головку мальчика и любясь смотрел на смуглое личико сына. «Весь в мать! Только глаза иные... глаза князей Тавадзе, синие, как наше кахетинское небо, – думал князь. – О Гемма, как грустно, что ты не видишь нашего бичо-джана... Зачем ты так рано покинула нас!» Но тут князь Павле точно опомнился сразу: «Не надо, чтобы дети замечали признаки малодушия у старших», – сказал он мысленно сам себе и тут же, шутливо взъерошив черные кудри Кико, весело сказал:

– Я думаю, что моему соколенку не надо говорить об осторожности, которую необходимо соблюдать в горах. Мой Кико разумен, чтобы не беречься, не правда ли? И от замка он не станет отъезжать далеко. Ты мне это обещаешь, Кико?

– Да, отец.

– Помни, мой соколенок, что наш замок в горах – это не Алазанская долина, где ты находишься в полной безопасности и где каждый встречный знает тебя. Горы кишат барантачами (грабителями), и хотя наш замок – самое недоступное место для них, но его окрестности не вполне надежны. Я не уеду спокойно, соколенок, если ты не дашь мне слова не удаляться от ворот без стражников; и то только в дневную пору, когда вполне безопасно, ты будешь покидать нашу крепость. А то придется мне оставить тебя здесь, на солнечном припеке, до моего возвращения. Так даешь слово, Кико, исполнить желание твоего отца?

– Даю слово, отец! – с готовностью отвечал тот.

– Ну, а теперь ступай к Илите, мой мальчик, да вели ей приготовить чего-нибудь прохладительного для наших гостей. Пусть угостит их, когда они проснутся, а я отдохну немного перед дорогой. До свиданья, мальчуган. Мой бичо-джан, до свиданья.

Кико поспешил исполнить поручение, потом снова выбежал в сад, отыскивая Шушу, чтобы поделиться с нею радостью завтрашнего отъезда в горы.

«Наверное, она спрячется где-нибудь поблизости в виноградниках или в зарослях орешника: уж такая она проказница, эта Шуша, – решил Кико, идя по проложенной среди зелени дорожке сада, мимо журчащего фонтана, зорко вглядываясь в густо разросшиеся кусты. – Спряталась от меня, плутовка», – решил он, погружаясь все дальше и дальше в самую гущу сада.

Солнце совсем уже село за горы, и голубоватые сумерки окутали тихую Алазанскую долину. Четко рисовалась на синем небе бархатная кружевная листва старых чинар, орешника и стройных тополей. А вдали курились синим дымком горы.

Взглянув на этих грозных великанов, Кико так и затрепетал от восторга. Завтра он будет там. О, как он любит их, эти милые горы, их пропасти и тропинки, их густо заросшие лесом склоны, горный воздух и горные цветы!

Он даже подпрыгнул от восторга и хотел было захлопать в ладоши, как неожиданно замер, услышав в нескольких шагах от себя человеческие голоса.

Кико остановился и словно прирос к месту. Подслушивать то, что говорили другие, он не любил, – это было бесчестно, – так его учили отец и бабушка Илита, но... но до уха маленького князька ясно долетела фраза, сказанная знакомым ему голосом, принадлежащим Вану: «Воображаю, как замечется этот надменный и ненавистный князь Павле, когда у него из-под носа утащат его соколенка! Что ты скажешь на это, молодец?»

Эти слова так поразили Кико, что он уже не мог двинуться и весь обратился в слух.

– А то скажу, – отвечал грубый голос Давидки, – что не так-то легко делается, как говорится, отец.

– Ну-ну, – хрипло рассмеялся Ван. – Что недоступно в Алазанской долине, то просто и легко среди стремнин дагестанских гор. Зато подумай только: если нам удастся наше дельце, то ты и твои братья станут прямыми наследниками всех богатств Павле Тавадзе, владельцами его роскошных виноградников, его огромных пашен и табунов. Ведь мы единственные родственники этого богача, и после того как исчезнет этот глупый утенок Кико...

– Тише, отец! Сюда, кажется, идут... – оборвал отца Давидка, и в тот же миг он показался у входа в беседку так неожиданно, что Кико едва успел спрятаться за стволом столетней чинары.

Мальчик встревожился. Что это? Или все только что слышанное почудилось ему? Он плохо понял, о чем говорили в виноградной беседке. Но взволнованное сердечко Кико подсказывало ему нечто недоброе: Ван и Давидка, хлебосольно принятые его отцом, щедро одаренные и обласканные им, очевидно, замыслили против своего благодетеля что-то дурное. Невольный страх прокрался в душу Кико. Была минута, когда мальчика неудержимо потянуло броситься к отцу и рассказать ему обо всем только что слышанном, но он решил, что неудобно

сейчас волновать отца, который, разумеется, узнав о происшедшем, бросит все свои дела и отложит поездку. А поездка, насколько знал Кико, была необходима.

«Нет, уж лучше никому не говорить о случайно подслушанном разговоре и только быть осторожным в горах и никуда не отлучаться из замка. А трусить смешно и глупо; ведь я, Кико, джигит, и никакая опасность мне не страшна», – решил мальчик и, выхватив из-за пояса свой детский кинжальчик, красноречиво погрозил им в сторону виноградной беседки. Затем ловко и бесшумно, как кошка, стал красться к дому, прячась за кустарниками и за стволами деревьев.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Горный замок. Странный гость

Горный замок князя Павле Тавадзе приютился в одном из ущелий дагестанских гор. Плотно обступили его со всех сторон горные склоны, заросшие лесом. Мохнатые чинары, дикий орешник покрывают склоны гор. Дальше, в глубь Дагестанского края, природа постепенно меняется – одни только голые скалы, кое-где усеянные кустами архани (род ползучей колючей растительности). Но если там, в горах, кавказская природа бедна растительностью, здесь, у входа в долину, откуда вся Алазань видна, как на ладони, вокруг замка Тавадзе все пышно зеленеет. Красивые горные леса со всех сторон обступили замок; сочные пастбища, поросшие травой, приютились по склонам гор; прелестные цветы диких роз, азалий и ярко-красные, алые хлопья гранатника – все это пестрело нарядным ковром.

Замок окружен каменной стеною с крепкими воротами. Когда-то, еще недавно, он принадлежал одному дидойскому князю и выдержал нападение во время войны. В замке большой двор, поросший травой, и посреди него – главный дом, похожий на татарскую саклю, только гораздо больше, с плоской кровлей, под которой второй этаж выдается над первым, образуя небольшую галерейку, идущую вокруг всего дома. А рядом высится над стеною замка круглая сторожевая башня, откуда прежние обитатели выслеживали врага. В противоположной стороне двора – постройки для прислуги и для чепаров (стражников), которые служат князю Павле не только для охраны замка, но и для наблюдения за табунами овец и лошадей, которые пасутся в горных теснинах и только на ночь загоняются в стойла. Князь Павле – большой любитель горных лошадок. Великолепные горные овцы с шелковистой шерстью живут тут же по соседству с конями. В Алазанской долине ни тех, ни других держать нельзя: они вытопчут пшеницу, просо и кукурузу, которыми засеяны огромные поля князя.

Уже вторую неделю живет маленький Кико в горном замке.

Какое разочарование! Не такого ожидал он. Бабушка Илита не спускает глаз со своего любимца. Чуть выглянет за ворота Кико, она тут как тут.

– Куда! Куда, голубь мой! Назад ворочайся. Не приведи Господь, скатишься в бездну, либо душман (разбойник) тебя захватит. Ступай, ступай к дому! Испек тебе повар медовых лепешек с персиковым вареньем. Хороши лепешки! Попробуй, голубь мой!

Нечего сказать! Нашла чем утешить! Лепешками! Ну, уж и бабушка! Точно он, Кико, маленький мальчик, а не джигит. И разбойниками тоже пугать вздумала! Точно он девчонка. Да разбойники далеко в глуши хозяйничают, а сюда они и носа показать не смеют. У них в замке шесть человек чепаров-охранников, да столько же мужской прислуги; а все стены обвешаны ружьями да кинжалами, и кроме того, две маленькие горные пушки стоят на башне. Разве посмеют приблизиться к замку разбойники, у которых ничего нет, кроме рваной одежонки да притупленного кинжала? Как бы не так! И каких таких душманов бабушка выискала? Просто это рваные байгуши, нищие, которые и курицы-то украсть не посмеют.

И Кико презрительно поджимает губки. Скоро и конец его житью здесь, а он еще и не наскочил как следует на быстрых огневых горных лошадках.

Правда, ежедневно они с Шушей совершают поездки в горы, но с ними неотлучно скачут два чепара, один спереди, другой сзади, они удерживают его, когда Кико хочет умчаться вперед.

– Нельзя, батоно-князек. Нельзя. Князь Павле шибко бранить будет слуг своих, ежели что случится.

«А что может случиться? Ничего не случится! – думает Кико, поглядывая по сторонам. – Уж скорее бы отец приезжал. С ним вдвоем куда приятнее умчаться в горы», – и Кико понуро возвращается с прогулки домой.

* * *

Тихий летний вечер тает в горах. Курятся голубым дымком бездны. Алым заревом обливает горы заходящее солнце. Пастух только что пригнал коз из ущелья и тихо наигрывает у ворот на своей свирели. Шестеро чепаров отряжают вместе с конюхом табуны в ночное. Другие шестеро, вместе в поваром из бывших казаков и с дворецким Петро, джигитуют на дворе, стараясь развлечь маленького князя. Они скачут вокруг двора на неоседланных лошадях и тупыми концами пик и рукоятками кинжалов стараются вышибить друг друга из седла или на всем скаку, свесившись до земли, ловят ртом нарочно для этого уроненный на землю предмет.

Кико лежит на ковре, устилающем кровлю дома, среди мутаков (подушек) и меховых подстилок и нехотя пробует расставленные перед ним заботливыми руками Илиты сласти: здесь и засахаренные фрукты на подносе, и орехи, и смоква, и домашние леденцы из меда, и пряники.

Шуша, тут же сидя на корточках, из сил выбивается, угощая своего друга.

– Кушай, светик мой. Кушай. Большой будешь, толстый, вот какой!

Девочка хохочет при этом, показывая, какой толстый от всех этих снедей будет князек.

Но Кико не улыбается даже. Его тянет в горы. Теперь так славно скакать по вечерней прохладе. Да не пустят, нечего и думать об этом.

Шуша все смеется.

– Чего губы надул, князек? Будешь губы надувать – губы вырастут вот какие, – она прикладывает два свои кулачка к собственному рту.

– В арбе с музыкой тогда твои губы возить будем, – прибавляет Шуша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.